

Продолжение

25. Иногда Марлен уезжал в Марамбу, в Цебельде, где жил его дед. Оттуда он уходил в горы, поохотиться на горных козлов. Изюм всех видов мяса в Абхазии больше всего ценится козлятина.

Дед Марлена родился в Гулрипшском районе в селе Герзеул.

Предки деда жили там издавна и процветали на поставках мяса и овощей абхазским князьям Маршанам, которые постоянно грабили друг друга и воевали со своими мурзаканскими братьями.

Самурзакано — самоназвание соседней Мингрелии.

Дед Марлена купил участок земли в Цебельде у Маршанов, когда те продавали свои земли перед тем, как уехать в Турцию после окончания последней русско-турецкой войны.

В ту пору, когда мы часто встречались на «Амре», бабка Марлена давно умерла, а дед был одинокий старик. Прожил дед более ста лет, и, как рассказывал Марлен, раз в месяц бросал на лошадь пару мешков с кукурузной мукой, лобию, несколькими головками сыра и направлялся в соседнюю деревню навестить свою подружку, та была вдвое его моложе.

Иногда, говорил Папава, дед отправлялся в лес, и возвращался оттуда со старыми золотыми монетами. Марлен полагал, что дед отыскал клад и перепрятал его. Иногда Марлен размышлял о том, как отыскать найденный его дедом клад.

Приглядывал дед и за виноградником. В Марамбу у деда рос виноград, росли хурма и слива, яблоки, картофель и капуста. Зимой там выпадал снег. В горах бродили волки, кабаны и косули. В один из приездов Марлену рассказали о том, что волк загрыз корову.

Выращивали в Цебельде и табак двух сортов, Самсун и Трабзон. Сушили его в больших, без дверей сараях.

Однажды Марлена и хозяина автомобиля, в котором он ехал, арестовали по дороге в ресторан «Мерхеули». И ресторан, и расположенное поблизости село Мерхеули, где родился и вырос Лаврентий Берия, находятся на дороге в Цебельду. Доктора Папава ждала в ресторане его подруга, ресторанный певица. Вез его в сторону Цебельды знакомый сотрудник стрельбища.

Оказалось, что в багажнике автомобиля лежал ящик патронов, которые водитель вез скрывавшемуся в горах преступнику. Через пару дней Марлен вышел на свободу. Хозяин автомобиля отправился в лагерь. Преступник остался на свободе. Марлен же пытались шантажировать и преступник, и сотрудники органов, оформлявшие ему документы для выезда за границу на соревнования.

26. Уроженец Цебельды, археолог Юрий Воронов, появлялся в кафе на «Амре» осенью или зимой, в середине дня. Он мечтал о создании в Цебельде культурно-археологического заповедника и, скорее всего, почитал себя тайным повелителем цебельдинской долины, где родился, провел детство и юность, когда начал собирать свою археологическую коллек-

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#195

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com

ЗАБЫТЫЙ СЕБАСТОПОЛИС

СУХУМСКИЙ ОБЕЗЬЯНИЙ ПИТОМНИК

цию, а позднее руководил раскопками древнего Цибелиума.

Высокий и черноволосый, с хорошо вылепленным лбом, в очках с тонкой металлической оправой, в джинсах, куртке и ботинках на толстом каблучке, он напоминал ворону, апостола Павла и революционного демократа одновременно.

ЮРИЙ ВОРОНОВ

Передвигался он стремительно, на лице его постоянно присутствовала тихая усмешка, в глазах его иногда играли бесы. Казалось, что он готов в любой момент сорваться с места и направиться на раскопки.

Его прадед был сослан на Кавказ после поездки в Лондон и встреч с Герценом и с 1880 г. до конца своих дней жил в имении «Ясочка» в цебельдинской долине. Он заведовал Кавказским отделом Русского географического общества, издавал газету «Кавказ» и подготовил 12-томный «Сборник сведений о кавказских горах».

Развалины крепости стали привлекать туристов еще в 80-90 г.г. XIX века, вскоре после окончания русско-турецкой войны.

«Погожими летними днями сюда направлялись группы любителей — дамы в длинных, отделанных кружевом платьях под разноцветными зонтиками и кавалеры в лапах и белых

перчатках», — свидетельствует один из мемуаристов.

Вскоре после начала Первой мировой войны дед Воронова передал в Тифлиссский музей большую коллекцию предметов (топоры, мечи, наконечники копий, фибулы и бусы), извлеченных крестьянами из могил, разрушенных при обработке почвы.

Некоторые считали Воронова хитрецом и интриганом. Он был необыкновенно работоспособен, энергичен, слегка безумен и производил впечатление человека, прекрасно понимающего все, что происходит вокруг, но тем не менее отстаивающего свои принципы. Воронов с одинаковым удовольствием цитировал античных авторов, разъяснял титулатуры царей и проводил экскурсии на местах своих раскопок на двух холмах над Кодором...

Позднее, в начале 90-х, он оказался вовлечен в политику и стал одним из идеологов абхазского сепаратизма, однако, оказался слишком наивным для участия в развернувшихся процессах. Вскоре, однако, он начал прозревать, но его расстреляли на ступенях сухумского дома, где он жил вместе со своей семьей. Убийцы его оказались уроженцами Цебельды. Вскоре после ареста они бежали из тюрьмы...

27. Во времена «застоя», т.е. в конце 70-х — начале 80-х годов некоторые, довольно известные и уже отошедшие от дел сухумские «блатные» отличались подкованностью в философии и истории. Они любили неспешные философские дискуссии за бокалом вина или чашкой кофе и, пройдя свои «университеты», могли рассказать немало интересного о мире и людях.

АВТОР СТАТЬИ: ГИОРГИ ГЕЛИБАЙ

Я и сам был знаком с одним из них, внимательно изучавшим «Критику чистого разума», и знал другого, отлично разбиравшегося в живописи. Он собрал небольшую коллекцию живописи и мелкой пластики, однако, лучшее частное собрание живописи в городе принадлежало местному гинекологу.

— Вот пойдешь и разберись, чем лучше заниматься, — прокомментировал местный «авторитет».

Разбой и грабеж всегда были составной частью жизни на Кавказе, более того, явления эти подверглись и процессу определенной культурной рефлексии. Явления эти порою рассматривались в контексте размышлений о природе человека как такового и ее проявлениях в деятельности всевозможных тиранов, деспотов и революционеров.

Особой популярностью пользовался в те годы роман грузинского писателя Чабуа Амираджиби, повествующий о противостоянии «абрага» и связанного с ним узлами родства жандармского полковника...

Любил порассуждать о преступлениях и преступных наклон-

ностях и один из сухумских психиатров, темный плотный мужчина с аккуратными густыми усами и угольными, печальными глазами.

Поводов для подобных рассуждений было немало, — убийства, кражи, грабежи и изнасилования, всевозможные «разборки», — все это было естественной и неотъемлемой частью жизни... Одного из известных в городе адвокатов, человека умного и с большими связями, повесили со связанными за спиной руками. Веревка с петлей привязана была к перилам моста. В карманах адвокатского пиджака лежали камни, означавшие невыплаченный долг...

Психиатр любил живопись и написал огромное количество полотен, вдохновленных репродукциями картин известных художников в журнале «Огонек». Ему казалось, что его работы — полноценные копии оригиналов, поскольку выполнены они были по их размерам. Был он участником Сталинградской битвы и хотел, чтобы его сын поступил в медицинский институт в Волгограде.

— Неужели мой сын не имеет права учиться в российском мединституте только оттого, что живет в Грузии? — спросил он у меня однажды.

Я готовил его сына к вступительным экзаменам по физике. Работал я в ту пору в местном пединституте, преобразованном в Университет, и подрабатывал репетиторством.

Мальчик был способный, занимались мы с ним на огромной, светлой веранде, увешанной работами в тяжелых, золоченых деревянных рамках.

На противоположной стороне улицы находился магазин учебно-наглядных пособий. В витринах его выставлены были изготовленные из пластика и глины пособия по анатомии человека, с раскрашенными красной, синей и желтой краской внутренними органами...

Присутствовали в витрине и сверкающие металлические сферы машин для изучения электричества, гипсовая, крашенная модель глаза и глиняная, раскрашенная модель мозга, разделенного на зоны: кортекс, неокортекс, гиппокамп...

Исследованиями деятельности мозга занимались в одной из лабораторий Института экспериментальной медицины и патологии с его обезьяньим питомником на склоне горы Трапезици.

В лаборатории, куда я иногда приходил, ставились эксперименты на обезьянах. В их мозг вживляли электроды. Выстриженные под электроды обезьяньи головы были вымазаны зеленой. Обезьяны держали в специальных, сделанных для них креслах. Ответные сигналы мозга подавались на экраны осциллографов. Идея экспериментов состояла в том, чтобы найти ключ к электрической активности человеческого мозга.

Основан был Институт все в том же 1929 году, и, еще перед войной, там, помимо прочих исследований, осуществлялись и эксперименты по получению потомства от людей и обезьян. Несколько раз

слышал я на «Амре» рассказы о подвигах отдельных обитателей окрестных деревень, совокуплявшихся с обезьянами и сдававших свою сперму для экспериментов.

Лаборатория же пединститута, в которой я работал, размещалась в старом двухэтажном корпусе педагогического института под платанами улицы Церетели в паре кварталов от набережной и парка в устье реки. Занималась лаборатория

исследованиями аномального ускорения ионов в плазменном разряде.

Руководил лабораторией человек с печально-поэтическим выражением на лице, защитивший диссертацию по физике мутных растворов. Звали его Ражден Романович. Родом он был из деревни, расположенной к северу от города, в Эшерях. Родители его выращивали мандарины. Это был достаточно симпатичный деятель субтропической науки.

Он обладал способностью удивляться и вздыхать, и однажды спросил у меня, откуда возникли все те соображения, которые я развивал во время одного из семинаров.

Скорее всего, он предполагал, что я пересказывал содержание какой-то неведомой главы из неизвестной ему книги...

— Пришлось придумать, — сказал я.

Услышав мой ответ, Ражден Романович покачал головой и вздох-

нул. Он явно не ожидал ничего хорошего от такого подхода...

Через несколько лет я узнал о том, что в начале 30-х годов венский философ Людвиг Витгенштейн обратился к «всесоюзному старосте» Калинину с просьбой предоставить ему возможность преподавать в сельской школе. Письмо философа попало к Сталину.

— Этому философу надо поехать в Сухуми и поработать в местном пединституте, —

сказал генсек. — Не исключено, — добавил он, — что именно там общение с коллегами поможет ему проверить свои теории на практике.

Вожь хорошо знал Сухуми и его окрестности. В 1905 году он вместе с поделниками участвовал в ограблении парохода, который вез деньги для французской компании, проводившей работы по углублению морского дна в устье Кодора.

Продолжение следует

ПАМЯТИ ДИМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА КОМНИНО

В 2022 г. Всегреческое Сухумское Культурное общество отметило 110-ую годовщину со дня кончины Димитрия Константиновича Комнино (Комнинос) (греч. Δημήτριος Κομνηνός), являвшегося одной из самых влиятельных фигур дореволюционного Сухума.

Этот выдающийся грек был купцом 1-й гильдии, крупнейшим табачным промышленником, гласным сухумской городской думы, депутатом Сухумского Общества Взаимного Кредита, членом правления Сухумского Эллинского (греческого) общества, и происходил из древнейшего рода константинопольских фанариотов, из одной из ветвей знатного рода Комнинов, представители которого являлись императорами Византийской и Трапезундской империй.

Этот человек оставил значительный след в истории и архитектуре города.

«Дворец Д.К.Комнино»

Дом, который он начал строить, и в котором проживала его семья, недаром называли «Дворцом Д.К.Комнино». Его строительство было завершено в 1914 г. на приобретенном Д.К.Комнино ранее участке №1 в строительном квартале № 102.

Дворец состоял из двух домов и двух складов с садом экзотических растений, окруженный роскошной оградой, каждый

столб которой был украшен лепной вазой с цветами. Самому Димитрию Константиновичу не суждено было насладиться красотами этих домов и сада, поскольку он внезапно скончался в Сухуме 12 (25) февраля 1912 г., когда дом был еще в процессе постройки.

В доме проживали его вдова Эфтерпи (Евтерпия) Павловна и их дети Константин, Элла и Ариадна, ставшая впоследствии известной скрипачкой.

Эфтерпи Павловна много лет возглавляла Сухумское благотворительное общество, а после смерти супруга, с 1914 г. и сухумское отделение Всероссийского общества Красного Креста. Сухумское благотворительное общество с 1914 г. располагалось в их доме. В 1918 г. она активно участвовала в создании художественной студии А. К. Шервашидзе-Чачба, ее дочь Ариадна являлась активным ее деятелем и играла на фортепиано.

В 1922 году «Дворец Д.К. Комнино» был муниципализирован, и в нем разместилась Совпартшкола («Дом партпросвещения»).

В 1943 г. он был уничтожен упавшей на него немецкой авиационной бомбой.

На его месте в 1960-х гг. был возведен многоквартирный жилой трехэтажный дом (Пр.

Мира, 13 (ныне ул. Аиааира, 13), который значительно пострадал во время грузино-абхазской войны 1992-93 гг., но позже был отреставрирован.

Отель-пансион «Эллада»

Семья Д.К.Комнино владела и отелем-пансионом «Эллада» на Чернявской (ныне Сухумской) горе, который был построен в 1902 г. по проекту архитектора А. В. Сеницына, на приобретенном ранее участке на вышеупомянутой горе, на Курортной улице (ныне ул. Папаскир, 11).

Возведенное строение было двухэтажным, с высокими потолками, и размещенный в нем отель-пансион «Эллада» стал функционировать сразу после завершения работ.

В рекламе отеля тех лет говорилось: «Отель «Эллада» в доме Комнино на горе с великолепным видом на город. Светлые большие комнаты с ванной, душем, обедами и полным пансионом». Название отеля соответствовало его архитектуре, отсылая мысленно к Древней Элладе. Это великолепное здание сохранилось, и ныне является памятником градо-

строительства и архитектуры столицы Абхазии.

С 1908 по 1912 гг. отель находился в управлении Е. Д. Виндберг, а с 1912 по 1915 гг. — построившего его архитектора А. В. Сеницына.

В 1915 г. отель-пансион «Эллада» закрылся, и вскоре здесь расположилась учительская семинария. С приходом Советской власти, с 1921 по 1930-е гг. здание занимал Сухумский педагогический техникум, а затем — детская музыкальная школа имени Ковача, функционирующая здесь и поныне.

Спустя пять лет после строительства отеля, в 1907 г. по проекту того же архитектора А. В. Сеницына позади отеля было возведено двухэтажное здание дачи Комнино (ныне улица Папаскир, 13).

Между пансионом и дачей на уровне 2-го этажа проходил коридор в виде арки, который с годами был ликвидирован.

Табачный склад и ферментационная фабрика

Помимо отеля и дома Д.К.Комнино имел в городе внушительных размеров табачный склад и ферментаци-

онный завод, построенный им в 1907 г. по проекту архитектора А.В.Сеницына, на приобретенном им участке №18 в строительном квартале №62 на Федоренковской улице (ныне ул.Когония), недалеко от порта. На том же участке были возведены еще 4 строения, которые не сохранились.

На фронтоне кирпично-каменного двухэтажного здания фабрики и склада сохранились год постройки и инициалы хозяина: «1907 Д.К.»

Ныне это здание является памятником архитектуры и градостроительства Сухума, и находится по адресу ул.Когония 36.

В 1913 году, после смерти Д.К.Комнино, его вдова Эфтерпи Павловна Комнино продала это сооружение с участком промышленнику А.Н.Шалошникову. В том же году вышла замуж за князя Н. К. Тавдгиридзе.

В 1922 г. здание было муниципализировано. С 1932 года на участке находился призывной пункт Сухумского военного комиссариата.

В советское время здание использовалось под жилье, как и сегодня.

Несмотря на предпринятые поиски, портрет Д.М. Комнино не найден, а судьба его потомков остается невыясненной.

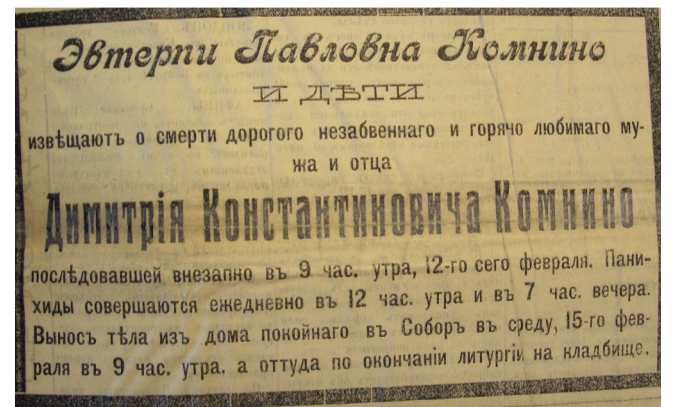
Георгиос Григориadis

«ДВОРЕЦ КОМНИНО» В РАМКЕ НА СТАРОМ ФОТО.

ФЕРМЕНТАЦИОННЫЙ ЗАВОД И СКЛАД Д.К. КОМНИНО.

ОТЕЛЬ «ЭЛЛАДА» И ДАЧА КОМНИНО (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЛЬВА ЕФРЕМИДИ).

ОБЪЯВЛЕНИЯ В СУХУМСКИХ ГАЗЕТАХ КАСАТЕЛЬНО КОНЧИНЫ Д.К. КОМНИНО.